

Глава 41. Образ болезненного учителя рухнул

Хэ Юань провел на коленях перед Пиком Вэньдао три дня и три ночи, но каменные врата обители оставались незыблемы. После того как Ло Цзю была схвачена отрядом правосудия ордена, юноша вернулся к наставнику, надеясь на объяснение.

Но учитель удостоил его лишь краткой фразы:

— Она — практикующая демоница. Ученикам моего ордена запрещено водить дружбу с теми, кто идет путем тьмы.

С этими словами он взмахнул рукавом и скрылся в пещере, погрузившись в уединение. Чэн Муюнь не желал ни видеть ученика, ни слушать его оправданий.

Поначалу Хэ Юань отчаянно пытался доказать, что Ло Цзю не принадлежит к демонам, но вскоре его отчаяние сменилось непониманием: почему наставник не хочет вступать с ним ни в какой диалог? Вглядываясь в плотно закрытый камень врат, он в очередной раз повторил:

— Наставник, если я в чем-то провинился, прошу — скажите мне об этом прямо.

В этот момент на его ладонь опустился бумажный журавлик. Из него донесся голос одного из младших братьев, старого знакомого. Тот служил в отряде правосудия и по просьбе Хэ Юаня присматривал за Ло Цзю. Учитывая тяжесть её ран, юноша не мог простить себе, если бы с ней что-то случилось.

Сложив пальцы в магическом жесте, Хэ Юань коснулся послания своим сознанием.

«Брат Хэ, той девушке... кажется, её раны воспалились, она едва держится»

Юноша нахмурился. Доказательств того, что Ло Цзю — демоница, всё еще не было, но в тайном царстве она спасла ему жизнь. Хэ Юань не мог допустить, чтобы она встретила смерть в застенках ордена.

Бросив последний взгляд на каменную дверь, он поднялся и, обратившись стремительным лучом меча, исчез в ночи.

Прошло совсем немного времени. Находясь в своей обители, Чэн Муюнь почувствовал, что ученик ушел. Он разомкнул веки и произнес:

— Наконец-то можно двигаться по сюжету, я чуть не задохнулся от этой скуки.

Это тело было невыносимо хрупким — любая попытка использовать духовную силу приводила к кровавому кашлю. В этой иллюзии Чэн Муюнь не имел настроения читать книги, чтобы скоротать время, поэтому просто общался с Системой.

Теперь, когда Хэ Юань отправился «на дело», пришло время действовать и самому Муюню. Согласно сценарию, ученик должен был использовать сокровище, добытое в тайном царстве, чтобы запечатать Ло Цзю. Даже если он не сможет её увести, артефакт уберезет её от любого вреда.

Рассчитав время, когда Хэ Юань должен был закончить, Муюнь покинул пещеру и направился в сторону темниц.

В истинной временной линии Чэн Муюнь последовал за учеником сразу. Охваченный гневом из-за его связи с демонами и чувствуя, как угасает былая привязанность, наставник поддался влиянию собственных демонов разума и на месте пронзил Ло Цзю мечом. Кашляя кровью, он подавил сопротивление потрясенного Хэ Юаня, вырвал его кость Дао и на глазах у всех сокрушил массив, после чего пал во тьму и покинул орден.

Но теперь у Чэн Муюня не было ни внутренних демонов, ни любви к ученику. Настал идеальный момент, чтобы исправить ошибки прошлого. По пути он заглянул в Зал Правосудия и распорядился, чтобы старейшина вместе с несколькими учениками последовал за ним.

Через время, равное горению одной ароматической палочки, Хэ Юань вышел из темницы. Он коротко кивнул в знак благодарности младшему брату, стоявшему на страже. Состояние Ло Цзю удалось стабилизировать: под действием артефакта она пребывала в глубоком забытии и не могла пошевелиться, подобно живому мертвецу, но её жизнь была вне опасности.

Теперь оставалось лишь убедить наставника отпустить её. Хэ Юань верил, что его учитель — человек справедливый, нужно лишь набраться терпения и всё объяснить...

Он не успел сделать и пары шагов, как всё его тело одеревенело. Из-за дерева вышла знакомая фигура. Мужчина в бело-голубом даосском халате, с волосами, аккуратно собранными под нефритовую корону, выглядел пугающе болезненным. Его мертвенно-бледная кожа, худые плечи и тонкая талия выдавали тяжелый недуг — казалось, он может рухнуть в любой момент.

За спиной учителя застыли старейшина Зала Правосудия в черно-золотых одеждах и вооруженные ученики.

— Хэ Юань, — произнес Чэн Муюнь. — Незаконное проникновение в темницу карается наказанием.

Ученики правосудия шагнули вперед, прижимая юношу к земле. Подчиняясь правилам ордена, тот не сопротивлялся, лишь отчаянно смотрел на учителя:

— Наставник, выслушайте меня! Ло Цзю...

— Незаконное проникновение и попытка сговора с демонами, — холодно перебил Муюнь. — Наказать.

Ледяной взгляд учителя обжег Хэ Юаня, и тот воскликнул, не выбирая выражений:

— Наставник! Я не согласен! Ло Цзю — не демоница!

Взгляд Чэн Муюня упал на его лицо:

— Оправдания излишни. Она — практикующая демоница.

— Почему?! — вскричал ученик.

Чэн Муюнь не ответил. Он лишь молча взирал на него, не желая давать объяснений. Гнев окончательно затуманил разум юноши, и он заговорил еще более дерзко:

— И пусть даже она демоница! В тайном царстве она спасла мне жизнь! Я не видел, чтобы она убивала, даже в сердце демона может быть стремление к добру, как вы можете так бездумно обрекать её на смерть?!

— Ты!..

Зрачки Чэн Муюня сузились, плечи мелко задрожали, а челюсть плотно сжалась, будто он из последних сил сдерживал ярость. Он крепко зажмурился на миг, затем подошел вплотную к нераскаявшемуся ученику и нанес яростный удар ладонью в его грудь.

В этот удар он вложил всю свою силу, не зная жалости.

Хэ Юань выплюнул струю крови, которая окрасила уголок белых одежд Чэн Муюня. Тот резко развернулся, не удостоив поверженного ученика даже взглядом, и бросил лишь одну фразу:

— Наказать согласно уставу ордена.

В Зале Правосудия Хэ Юань принял сорок девять ударов громовой плетью, после чего, едва волоча ноги и истекая кровью, вернулся на Пик Вэньдао. Его всё еще терзало непонимание: почему наставник так упорствует в своем мнении? Ведь при проверке в Зале Правосудия было

подтверждено, что Ло Цзю практикует чистое даосское учение и никак не связана с демонами.

— Наставник, прошу, позвольте мне подробно рассказать о событиях прошлой ночи.

Ответа не было.

— Наставник...

Снова тишина. В сердце Хэ Юаня, который всегда беспрекословно подчинялся учителю, впервые закипела горькая обида. Он был лишь неопытным юношей, и это чувство, не встретив отклика, достигло предела.

Он резко вскочил и, позабыв о почтении, одним рывком распахнул каменные ворота обители. Внутри было пусто. Слепленный гневом, ученик думал лишь о том, как найти наставника и потребовать ответа.

— Наставник! — позвал он, но эхо лишь отразилось от стен.

Хэ Юань двинулся вглубь пещеры, зная, что учитель обычно проводит время в кабинете. От каждого движения раны на спине отзывались невыносимой болью, а на лбу выступал холодный пот. Сорок девять ударов громовой плети были суровым испытанием даже для закаленного мечника. Обычный ученик пролежал бы в беспамятстве десять дней или полмесяца, и только врожденное тело меча позволяло Хэ Юаню двигаться.

Преодолевая боль, он дошел до дверей кабинета. Едва толкнув приоткрытую створку, юноша замер. В комнате царил хаос. Подставка для картин была опрокинута, и один из свитков лежал развернутым прямо на полу.

Хэ Юань стоял как вкопанный. На картине был запечатлен он сам во время тренировки с мечом.

Прошло немало времени, прежде чем он, словно в тумане, подошел ближе и поднял свиток, чтобы прочесть строки стихотворения внизу. Когда он закончил читать, лицо его мертвенно побледнело, а в груди вспыхнула резкая боль. Раны, едва сдерживаемые волей, открылись под натиском чувств.

Алая кровь, точно цветы красной мейхуа, брызнула на свиток.

— Наставник...

В это время Чэн Муюнь находился на Пике Медицины, восстанавливая силы. Тот удар, нанесенный ученику, дорого ему обошелся. Стоило Муюню отвернуться и сделать несколько шагов, как он рухнул без чувств, захлебываясь кровью. Испуганный старейшина Зала Правосудия немедленно доставил его к лекарю.

Гэн Чжэ, ставя иглы, свирепо ворчал:

— Сколько раз я тебе говорил: сохраняй покой, меньше гневайся! Ладно бы просто злился, так ты еще и в драку полез! Совсем жизнь не дорога? Стоило ли так злиться на какого-то ученика? Даже если и так, передал бы его Залу Правосудия — и дело с концом... Ты меня с ума сойдешь.

Чэн Муюнь не открывал глаз. Лишь спустя время он тихо произнес:

— Я не мог иначе.

Лекарь знал историю их отношений и не стал спорить дальше, лишь спросил:

— Почему ты просто не расскажешь ученику правду о той старой вражде? И о... Демоноподавляющей Кости Дао?

Гэн Чжэ был одним из немногих, кто знал тайну кости Дао в теле Хэ Юаня.

— Я растил его с малых лет, — ответил Муюнь. — Я знаю, как сильно он ко мне привязан. Если он узнает, что я взял его под опеку только ради Демоноподавляющей Кости Дао, это повредит его пути совершенствования.

За долгие годы чувства наставника изменились — он больше не видел в Хэ Юане лишь сосуд для продолжения своего пути. Но правда могла сокрушить ученика. Мечник должен обладать кристально чистым сердцем и неуклонной волей, чтобы достичь вершин.

— Но если ты промолчишь, не останется ли у Хэ Юаня рана в сердце? Кажется, та девушка для него значит больше, чем ты думаешь.

— Дао меча выше мимолетных чувств, — возразил Муюнь. — Жизнь культиватора бесконечна. Когда он убедится, что она — демоница, он всё поймет. Но если он узнает, что я принял его в ученики только из-за кости Дао, его сомнения в себе разрушат его сердце.

Гэн Чжэ поставил последнюю иглу и поднялся:

— Возможно, ты и прав. Ты всё время думаешь об ученике... А подумал ли ты хоть раз о себе?

Чэн Муюнь чувствовал, как наваливается усталость. Вопрос старого друга вызвал у него лишь легкое недоумение.

— О себе? О чем мне думать?

Ответом ему был лишь тяжелый вздох Гэн Чжэ.

Дверь тихо закрылась. Чэн Муюнь на кровати дышал ровно, погружившись в сон. Он провел на Пике Медицины несколько дней в полном покое, пока лекарь не принес весть.

Хэ Юань исчез.

Услышав это, Муюнь не удержал чашу с лекарством, и та со звоном разлетелась об пол.

— Что ты сказал?

Гэн Чжэ нахмурился и тут же коснулся запястья друга, направляя мягкую струю энергии:

— Успокойся, не смей гневаться! Я уже отправил учеников на поиски.

Муюнь помолчал, а затем произнес:

— Не нужно. Пусть идет своим путем.

— Что? Ты просто позволишь ему уйти?!

Чэн Муюнь хотел ответить, но резкая боль в груди прервала его, и он зашелся в кровавом кашле. Гэн Чжэ в панике начал проверку и замер в ужасе: он и представить не мог, что тело друга пришло в такое запустение. Теперь ему было не до Хэ Юаня.

Он крикнул ученикам за дверью:

— Живо всё подготовьте! Я переночую брата Чэна в Десятитысячелетний сталактитовый источник. Ему нужно немедленно уйти в затвор.

Для практиков время течет незаметно, особенно в мире иллюзий. Когда Чэн Муюнь снова пришел в себя, он обнаружил, что находится в Десятитысячелетнем сталактитовом источнике, а вокруг — ни души. Он лениво потянулся.

«Система, ты еще здесь?»

[Наконец-то ты проснулся! Я уж думала, ты решил встретить здесь старость!]

«Это всё глубокое погружение в роль, Система».

Муюнь поднялся, накинул приготовленные одежды и покинул тайную обитель. Едва он вышел, навстречу ему поспешил Гэн Чжэ, вид у которого был крайне обеспокоенный.

— Ты наконец-то очнулся! Случилась большая беда.

Муюнь внутренне усмехнулся.

«Вот оно. Сейчас он скажет, что Хэ Юань предал орден и пал во тьму»

Всё шло строго по сценарию, и теперь ему оставалось лишь внести финальный штрих. Согласно сюжету, после своего падения Хэ Юань попадет в ловушку в одном из тайных царств. Едва вырвавшись оттуда, он столкнется с отрядом правосудия Тайсюань и едва не погибнет. Но, как и полагается главному герою, он проявит истинную силу. Используя технику самопожертвования, он уничтожит преследователей и чудесным образом выживет, после чего окончательно разорвет все узы с орденом и учителем.

План Муюня был прост: лично возглавить преследователей, чтобы дать Хэ Юаню шанс... убить наставника и тем самым сокрушить своих демонов.

Гэн Чжэ, видя болезненный и отрешенный вид друга, не решился ошарашить его сразу. Он усадил Муюня и долго собирался с духом.

— Брат, пока ты пять лет восстанавливал силы в источнике, Хэ Юань окончательно предал орден и пал во тьму.

Лекарь сглотнул, опасаясь вспышки гнева у собеседника:

— А потом...

Муюнь замер. Что еще за «а потом»? Сохраняя внешнее спокойствие, он выдавил слабую улыбку:

— Говори. Я выдержу.

— Потом он объединил под своей властью всё Царство Демонов и стал Демоном-владыкой

Потрясающим Небеса.

Чэн Муюнь лишился дара речи.

«Система, что это за сюжет? Почему я не знаю об этом?»

[Вообще-то это есть в сценарии, но сроки... Когда Хэ Юань объединил демонов и стал Демоном-владыкой, ты уже должен был развеяться прахом!]

Дурное предчувствие охватило Муюня. Он закрыл глаза, пытаясь унять чувства, и спросил:

— И что же дальше?

Гэн Чжэ покраснел до корней волос и спустя томительную паузу выдавил:

— Он привел своих подчиненных к нашим вратам и... и требует отдать ему Даосса-владыку Цзимины в мужья.

«?»

«???»

В глазах Чэн Муюня потемнело. Он всерьез засомневался — не начались ли у него галлюцинации. Помолчав, он прошептал:

— Ты... ты ничего не путаешь?

Даже в самой поздней части сценария, когда Хэ Юань нападал на Тайсюань, он делал это, чтобы спасти Ло Цзю. И тогда он действительно устроил грандиозное посмешище, заставив зверей девятого ранга тянуть свадебную карету, чтобы унижить орден.

В этот момент раздался оглушительный грохот, и над головами мужчин задрожала тонкая пленка защитного массива. Как оказалось, тишина до этого момента была лишь иллюзией, поддерживаемой Великим массивом защиты горы.

Золотые всполохи массива начали гаснуть один за другим, открывая взору то, что творилось снаружи.

Алые лепестки, застилающие всё небо, — в наличии.

Роскошная свадебная карета, запряженная зверями девятого ранга, — в наличии.

А во главе этого безумия стоял Хэ Юань, облаченный в великолепные красно-черные одежды. Он застыл в небе, и его пронзительный взгляд, казалось, прорезал пространство, устремляясь прямо к Чэн Муюню.

Муюнь невольно отступил на шаг, в голове у него совершенно помутилось. В это мгновение низкий голос Хэ Юаня разнесся над горами, достигая ушей каждого ученика ордена Тайсюань:

— Я, Хэ Юань, прибыл, дабы просить руки почтенного Даосса-владыки Цзима из вашего ордена.

<http://bllate.org/book/15360/1427372>